

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Заворина Мария Леонидовна

**ЭПИРСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОМ ЗОДЧЕСТВЕ
СЕВЕРНЫХ БАЛКАН**

Специальность 5.10.3 – Виды искусства (изобразительное и декоративно-
прикладное искусство и архитектура)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Москва — 2025

Диссертация подготовлена на кафедре всеобщей истории искусств
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель — **Захарова Анна Владимировна** —
кандидат искусствоведения

Официальные оппоненты — **Баталов Андрей Леонидович** —
*доктор искусствоведения, профессор,
ФГБУК «Государственный историко-
культурный музей-заповедник «Московский
Кремль», заместитель генерального
директора по научной работе*

Казарян Армен Юрьевич —
*доктор искусствоведения, академик
РААСН, ФГБОУ ВО «Национальный
исследовательский Московский
Государственный Строительный
Университет», директор Института
архитектуры и градостроительства*

Воронова Ариадна Александровна —
*кандидат искусствоведения, доцент, НОУ
ВПО «Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет», зав.
кафедрой истории и теории христианского
искусства*

Защита диссертации состоится 12 мая 2025 г. в 16 часов 30 минут на
заседании диссертационного совета МГУ.056.3 Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г.
Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 «Шуваловский», ауд. А-416
E-mail: art-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на
портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3398>

Автореферат разослан «11» апреля 2025 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат искусствоведения

Е. А. Ефимова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено проблеме влияния архитектурной традиции Эпира на становление и развитие поздневизантийского зодчества в региональных центрах Северных Балкан. Территории современных северной Греции (Эгейская Македония и Фессалия), Северной Македонии, Южной Албании, Косова и Метохии в Средние века были контактной зоной между Византией и славянскими государствами — перекрестком культур, архитектурных и художественных традиций, а также ареной столкновения геополитических интересов греческих и славянских государств, особенно активных в XIII – XIV вв., в результате которых территориальное деление этих земель постоянно изменялось, что находило отражение и в архитектуре.

В условиях распада Византийской империи и латинской оккупации Константинополя в 1204–1261 гг., активное строительство на бывших землях империи продолжалось в сохранившем независимость Эпирском царстве на западе Греции и в Никейской империи, куда эмигрировал константинопольский двор. В этих центрах византийская архитектурная традиция была продолжена и развита особым образом. Об архитектуре Никеи науке известны лишь отрывочные сведения, поскольку большинство памятников не дошло до наших дней. Иначе обстоит дело с Эпиром, где от XIII – начала XIV вв. сохранилось несколько десятков построек, различных по качеству, но обладающих схожим набором характерных свойств и объединенных в историографии под общим названием «эпирская школа».

С реставрацией Византийской империи под властью династии Палеологов в 1261 г. возрождается и строительство. Вместе с миграциями строительных артелей архитектурные традиции Эпира и Никеи распространяются на возвращенных византийских землях, где на основе их смешения и во взаимодействии с некоторыми местными средневизантийскими практиками реанимируется архитектурное производство. Однако Константинополь утрачивает лидирующую роль — развитие архитектуры переходит на периферию, где образуется ряд

региональных центров, каждый из которых формирует собственную «архитектурную идентичность» в русле общих стилистических тенденций палеологовского времени. Таким образом, регионализм во многом определяет специфику поздневизантийского зодчества, одним из главных истоков которого была архитектурная традиция Эпира.

Предметом исследования является развитие эфирской архитектурной традиции в поздневизантийском зодчестве Северных Балкан, как в процессе формирования регионального своеобразия северо-балканских архитектурных центров, так и в широком контексте архитектурных процессов поздневизантийского времени на Балканах.

Степень научной разработанности темы, относительно новой для науки, представляется недостаточной. При том, что об архитектуре Эпира в науке сформировано достаточно полное представление, проблема развития традиции Эпира за его пределами и ее роли в архитектурных процессах поздневизантийского времени на севере Балкан в историографии (работы Г. Велениса, П. Вокотопулоса, К. Цурица)¹, в том числе новейшей (работы С. Коруновского, Н. Капониса, П. Андрудиса, М. Каппаса, Е. Хадзитрифноса)², представлена в основном, отдельными, замечаниями о сходстве некоторых

---

¹ Βελένης Γ. Ερμηνεία του εξωτερικού διακόσμου στην βυζαντινή αρχιτεκτονική. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 1984; Idem. Thirteenth-Century Architecture in the Despotate of Epirus: The Origins of the School // Studenica et l'art byzantin autour de l'année 1200. The Origins of the School // Studenica et l'art byzantine au tour de l'année 1200 (Colloques scientifiques de l'Académie Serbe des Sciences et des Arts. Vol. XLI. Classe des Sciences historiques. Vol.11). Beograd, 1988. P. 279–284; Τσουρής Κ. Ο κεραμοπλαστικός διάκοσμος των υστεροβυζαντινών μνημείων της βορειοδυτικής Ελλάδος. Διδακτορική διατριβή. Καβάλα, 1988; Vocotopoulos P. Art Under the Despotate of Epirus // Epirus: 4000 Years of Greek History and Civilization / Ed. M.V. Sakellariou. Athens: Ekdotike Athenon, 1997. P. 224–229; Idem. Church Architecture in the Despotate of Epirus: The Problem of Influences // Zograf. 1998–99. Vol. 27. C. 72–92. Idem. Church Architecture in Thessaloniki in the 14th century. Remarks on the Typology // L'art de Thessalonique et des pays balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle: recueil des rapports du IVe Colloque serbo-grec, Belgrade 1985 / Ed. R. Samardžić. Belgrade: Académie Serbe des Sciences et des Arts, Institut des Etudes Balkaniques, 1987. P.107–117.

² Коруновски С. Црковната архитектура во Македонија во XIII век. Докторска дисертација. Скопје, 2000; Καλώνης Ν. Η ναοδομική αρχιτεκτονική του δεσποτάτου της Ηλείρου την περίοδο της δυναστείας των Κομνηνών Αγγέλων (1204-1318). Διδακτορική διατριβή. Αργίριο: Πανεπιστήμιον Ιωαννίνων, 2005; Ανδρουδής Π. Παρατηρήσεις στον κατεστραμμένο βυζαντινό ναό του Αγίου Νικαλάου του Φραντζή στη Βέροια // Βυζαντινά. 2007. Τεύχ. 26. Σ. 273–277; Χατζητρήφωτος Ε. Το кампанариό του ναού του Αγίου Γεωργίου της Ομοφροκκλησιάς κοντά στην Καστοριά. Αρχιτεκτονική προσέγγιση // Αφιέρωμα στον ακαδημαϊκό Π. Βοκοτόπουλο / Ελπ. Β. Κατσαρός, Α. Τούρτα. Αθήνα, 2015. Σ. 141–154; Σκιαδαρέσης Γ. Η Παλαιά Μητρόπολη της Βέροιας στο πλαίσιο της Βυζαντινής αρχιτεκτονικής. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη, 2016; Каппас М. Архитектурный «идиолект» Фессалоники в средне- и поздневизантийский периоды: сходства и различия с Константинополем // Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции. СПб., 2020. С. 127–153.

элементов памятников этих регионов с постройками Эпира. Последовательно проблема влияния Эпира на поздневизантийскую архитектуру Охрида разрабатывалась Х. Халленслебеном³, убедительно обосновавшим непосредственную связь церкви Богородицы Перивлепты с церковью Панагии в Вулгарели близ Арты в Эпире. Но как отдельный предмет исследования проблема развития эпирской традиции на Северных Балканах в контексте формирования регионального своеобразия поздневизантийской архитектуры этих областей была постулирована только в статье С. Чурчича, опубликованной в 2015 г.⁴ С. Чурчич наметил основную линию развития и указал на некоторые конкретные проявления эпирской традиции в поздневизантийских памятниках Македонии (Охрид, Велес, Прилеп) в конце XIII – начале XIV вв. и средневековой Сербии (Призрен, Рашка) в XIV в. на уровне морфологии, типологии, декора, техники кладки. Но специфика развития этой традиции во взаимодействии с другими источниками влияния в контексте общих стилистических тенденций эпохи и в контексте регионального своеобразия архитектуры этих областей остались вне рассмотрения.

Таким образом, **актуальность** данного исследования обусловлена отсутствием целостного представления о роли эпирской традиции в становлении и развитии поздневизантийского зодчества на севере Балкан, в формировании регионального своеобразия архитектурных центров, в процессах стилистического развития архитектуры последней трети XIII – XIV вв.

Научная новизна исследования состоит в выявлении закономерностей развития эпирской традиции за пределами Эпира во всех северобалканских центрах, где прослеживается ее присутствие, в контексте стилистических тенденций архитектуры поздневизантийского периода. Это позволяет существенно дополнить картину архитектурных процессов на

---

³ Hallensleben H. Die architekturgeschichtliche Stellung der Kirche Sv. Bogorodica Peribleptos (Sv. Kliment) // Musée Archéologique de Macédoine. Recueil des Travaux. 1967–1974. Vol. 6/7. P. 297–316.

⁴ Čurčić S. The Epirote Input in the Architecture of Byzantine Macedonia and of Serbia Around 1300 // Αφιέρωμα στον ακαδημαϊκό Π. Βοκοτόπουλο / Елц. В. Катсарός, А. Тоурта. Αθήνα, 2015. P. 127–140.

Балканах последней трети XIII – XIV в. и составить ясное представление о роли эпирской традиции в формировании регионального своеобразия поздневизантийских архитектурных центров севера Балкан. Высказывавшиеся в историографии гипотезы о принадлежности некоторых памятников традиции Эпира были дополнены новыми аргументами.

Новизной отличается и подход к определению географических границ исследования. В историографии средневекового зодчества северных регионов Балкан утвердилась тенденция определять географические рамки в соответствии с актуальным на время исследования геополитическим делением, что несколько искажает картину архитектурных процессов XIII – XIV вв. В стремлении к отображению полной и объективной картины развития эпирской традиции в северных балканских регионах, к определению **географических границ исследования** мы подходим комплексно. Во-первых, в силу специфики историко-культурных и политических реалий на Балканах в рассматриваемый период было необходимо учитывать церковно-административное деление, в частности, границы Охридской архиепископии и ее епархий; во-вторых, геополитическое деление, актуальное на время создания памятников. Границы Сербского королевства существенно менялись в конце XIII – XIV вв., в правление короля Милутина (1282–1321 гг.) оно включало в себя территории современных Северной Македонии, Косова и Метохии; в правление Душана Сильного (1331–1355 гг.) были присоединены земли современной Албании, почти вся Греция за исключением Салоник, южных областей и Пелопоннеса. В некоторых случаях определенные закономерности в архитектуре прослеживаются во всем историческом и географическом регионе (Эгейская Македония, Фессалия, Повардарье). Таким образом, в географические рамки исследования включены: территория Эпирского царства — запад Греции от Ионического моря до горного массива Пинда, от Патрасского залива (регион Этолия и Акарнания) до Берата и Дурреса (Диррахия) на юге современной Албании; греческие регионы

Эгейская Македония и Фессалия; области Сербского государства, затронутые влиянием византийской традиции — южная Метохия и Повардарье; земли, находившиеся в юрисдикции Охридской архиепископии в последней трети XIII – XIV вв.: Охридско-Преспанский регион, Пелагония, Кастория.

Хронологические границы исследования охватывают XIII – XIV вв. — от зарождения «эпирской школы» до постепенного прекращения строительства к концу XIV в. в разных регионах Балкан в связи с ухудшением политического климата на фоне османской экспансии.

Объект исследования — храмы региональных центров Охридской архиепископии (*22 памятника*), Эгейской Македонии (*12 памятников*), Фессалии (*8 памятников*), Сербии (*15 памятников*) последней трети XIII – XIV вв., а также храмы собственно Эпира XIII – начала XIV в. (*26 памятников*). Всего в объект исследования вошло 83 памятника.

Цель работы — определить роль и проследить специфику ассимиляции эпирской традиции в становлении и развитии поздневизантийской архитектуры за пределами Эпира в различных регионах Северных Балкан — Охридской архиепископии, Эгейской Македонии, Фессалии, Сербии.

В качестве важнейших **задач** мы определили следующие:

- Произвести критический анализ историографии, выявить основные этапы и проблемы исследования архитектуры Эпира XIII – начала XIV в. в контексте историографии поздневизантийской архитектуры, проанализировать высказывавшиеся суждения о влиянии эпирской традиции на зодчество региональных центров Северных Балкан (Охридской архиепископии, Эгейской Македонии, Фессалии, Сербии), разобрать предложенные концепции и гипотезы, обозначить перспективы дальнейших исследований;
- Представить аналитический обзор архитектуры Эпира XIII – начала XIV в., отметить и охарактеризовать основные типологические, морфологические и декоративные особенности, проследить основную

траекторию развития собственно эпирского зодчества, выявить и охарактеризовать стилистические модификации на каждом из этапов;

- Произвести типологический и стилистический анализ памятников региональных центров Охридской архиепископии (Охрид, Велес, Прилеп, Кастория, район озера Преспа), Эгейской Македонии (Салоники, Верия) и Фессалии XIII – XIV в., выявить черты эпирской архитектуры в этих памятниках, проследить и охарактеризовать специфику развития эпирской традиции в архитектуре этих центров;

- Выявить черты эпирского зодчества в так называемой «сербско-византийской школе» – в храмах Милутина конца XIII – первой четверти XIV вв. и в постройках сербских вельмож в Повардарье XIV в., проследить особенности ассимиляции эпирской традиции в контексте «византинизирующей» тенденции сербской архитектуры;

- Проследить и охарактеризовать специфику развития эпирской традиции в региональных центрах Северных Балкан в контексте стилистических тенденций палеологовского периода (1260–1390-е гг.) в целом и в формировании регионального своеобразия в архитектуре рассматриваемых поздневизантийских центров.

Источниковую базу исследования составляют результаты архитектурно-археологических исследований памятников Эпира и Балкан, осуществленных, в основном, греческими и югославскими учеными с 1900-х по 2020-е гг., и опубликованных в специальной литературе. Также использовались данные, собранные автором во время натурного обследования памятников: в ходе экспедиций 2018–2024 гг. в Грецию, Северную Македонию, Сербию, Болгарию, Турцию был произведен осмотр и фотофиксация памятников, получены консультации специалистов, проводивших архитектурно-археологические исследования и реставрационные работы (Г. Фустерис, В. Пападопулу, Ст. Мамалукос, Д. Николовски, А. Василески, М. Химонопулу). Из 83 входящих в объект исследования памятников автором были лично осмотрены 60; также были

осмотрены памятники, не входящие в объект исследования, но привлекаемые автором в качестве аналогий и для описания архитектурного контекста. Для изучения историко-культурного контекста, выяснения обстоятельств или даты строительства храмов привлекаются данные средневековых письменных (жития святых, хрисовулы) и эпиграфических (критторские надписи и монограммы) источников, в основном, по публикациям в научной литературе.

Методологическая основа исследования определена поставленными задачами и спецификой исследуемой проблематики. Помимо историографического анализа используется комплексный подход, сочетающий следующие методы: сравнительный анализ типологических особенностей архитектурных сооружений; стилистический анализ, предполагающий выявление общности на уровне архитектурной композиции, пространственного решения, трактовки форм и способов организации фасадов; иконографический и стилистический анализ фасадной декорации; а также культурно-исторический подход для решения вопросов о наличии идеологических мотиваций и исторических предпосылок для архитектурных влияний, использования определенных ориентиров, появления характерных особенностей построек. В вопросе идентификации конкретных строительных артелей мы основываемся на данных анализа особенностей строительной техники, примененной в кладке стен, апсид, барабанов куполов, средств и приемов артикуляции архитектурных форм и фасадов, нюансов исполнения кирпичных орнаментов. Отметим, что в изучении византийской архитектуры методология идентификации артелей мастеров, работавших в нескольких памятниках, и установления взаимосвязей между ними, недостаточно развита и основывается на анализе техники кладки и архитектурно-декоративных программ, часто без учета других архитектурно-археологических данных, что определяет сугубо гипотетический характер предпринимаемых в историографии попыток идентификации артелей.

Научно-теоретическая значимость работы состоит в том, что представленные в исследовании выводы будут способствовать формированию более полного и уточненного представления об архитектурных процессах поздневизантийского времени на Севере Балкан и в Эпире, прежде всего, в контексте актуальной на сегодняшний день проблемы взаимовлияний архитектурных традиций в процессе формирования регионального своеобразия поздневизантийских архитектурных центров.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов для дальнейших исследований по архитектуре Византии и Балкан, при подготовке научных и научно-популярных публикаций по рассматриваемой и смежным темам, при подготовке учебных курсов по истории искусства Византии и Балкан, а также для создания научно-популярных интернет-ресурсов по данной проблематике.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Примененный подход к определению географических границ исследования на основании геополитического деления средневековых Балкан с учетом границ диоцезов (Охридской архиепископии) позволил составить полную и ясную картину развития эфирской традиции на Баканах в контексте архитектурных процессов поздневизантийского периода.
2. Наиболее последовательно эфирская традиция была продолжена и развита в русле стилистических тенденций палеологовского времени на землях Охридской архиепископии в последней трети XIII – первой трети XIV вв., тогда как в Эпире к началу XIV в. строительство постепенно прекращается. В поздневизантийском зодчестве Охрида, Велеса, Кастории, Прилепа ее роль была определяющей. Во второй половине XIV в. связь с традицией Эпира сохраняется на уровне типологических и декоративных решений.
3. В поздневизантийском зодчестве Кастории традиция Эпира вытеснила предшествующую устойчивую местную традицию, получив

последовательное развитие в церкви Св. Георгия в Оморфоклисии, которую можно связать с северо-эпирской группой памятников рубежа XIII-XIV вв.

4. В Эгейской Македонии традиция Эпира прослеживается в основном в фасадном декоре, постепенно угасая к середине – второй половине XIV в. В Салониках эпирская традиция развивалась в тесном интенсивном взаимодействии с другими источниками влияния, привнеся в местную практику ранее не применявшуюся кирпичную декорацию фасадов. В Верии влияние Эпира отразилось в способе артикуляции и декоре апсид.

5. В Фессалии влияние традиции Эпира прослеживается на уровне типологии, а также в элементах декора.

6. В памятниках «византинизирующей» линии сербского зодчества черты эпирской традиции отчетливее проявляются в памятниках первой четверти XIV в., построенных по заказу сербского короля Милутина, — в основном в композиционных особенностях и арсенале фасадного декора, реже в типологических и пространственных решениях.

7. В 1330–1390-е гг. в «византинизирующей» линии сербской архитектуры, представленной, в основном, постройками сербских вельмож, отголоски эпирской традиции распознаются только в некоторых приемах и орнаментах, используемых в декорации фасадов.

8. В церкви Богородицы Захумской близ Охрида (1361 г.) обращение к эпирской традиции конца XIII – начала XIV вв. связано с ориентацией на местный значимый образец (церковь Перивлепты, 1294/5 г.). Характерные для традиции Эпира формы и декоративные решения воспроизводятся в духе новой стилистической парадигмы второй половины XIV в., нашедшей отражение в типе, пропорциональном строе, объемно-пространственном решении церкви.

Апробация исследования проходила по следующим направлениям:

1. Публикация основных результатов исследования (список публикаций, общим объемом 14 п.л., приводится в конце автореферата).

2. Теоретические выводы и основные положения диссертации изложены в докладах на международных и всероссийских конференциях: Актуальные проблемы теории и истории искусства (СПбГУ/МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербург, 26–31 октября 2020 г.), Актуальные проблемы теории и истории искусства (МГУ им. М.В. Ломоносова/СПбГУ, Москва, 3–6 октября 2022 г.); Вопросы всеобщей истории архитектуры (НИИТИАГ/ГИИ, Москва, 18–19 мая 2021 г.), Вопросы всеобщей истории архитектуры (НИИТИАГ/ГИИ, Москва, 24 мая 2022 г.), Вопросы всеобщей истории архитектуры (НИУ МГСУ, Москва, 16–17 мая 2024 г.); VI Ежегодный форум молодых исследователей искусства и культуры «Научная весна» (ГИИ, Москва, 27–29 апреля 2022 г.); Лазаревские чтения (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2–3 февраля 2023 г.); SmartART – Art and Science Applied: Experience and Vision (Сербская Академия наук и искусств, Белград, 23–24 сентября 2021); Niš and Byzantium (Нишский университет, Ниш, 3–5 июня 2021 г.), Niš and Byzantium (Нишский университет, Ниш, Сербия, 3–5 июня 2023 г.).

3. Материалы и выводы исследования использовались при чтении лекций в рамках специального лекционного курса «Искусство средневековой Македонии» (1 сем. 2020 г.) и проведении семинарских занятий курса «Раннехристианское искусство. Искусство Византии» (1 сем. 2021, 2022 г.) на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, лекционного курса «Искусство Средних веков» на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (2 сем. 2023 г.) в рамках педагогической практики в аспирантуре.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения, списка использованной литературы, приложения и альбома с иллюстрациями, собранными в отдельном томе (Том II). Исходя из цели и конкретных задач исследования, направленных на выявление и анализ особенностей развития и

ассимиляции архитектурной традиции Эпира в регионах Северных Балкан, а также из общей проблематики исследования, охватывающей различные аспекты формирования и проявления регионального своеобразия в поздневизантийском зодчестве, в качестве структурной основы диссертации избран географический принцип, дополненный хронологическим. В требующих того случаях (Глава 2, разделы 2.1 – 2.3) хронологический принцип заменен типологическим.

В каждой главе, за исключением историографической, анализ архитектурных особенностей памятников предваряется кратким описанием историко-политических реалий конкретного региона в рассматриваемый период.

Во **Введении** дана общая характеристика работы, обоснованы актуальность и научная новизна исследования, сформулированы его цель и задачи, охарактеризована методологическая база исследования, обозначены географические и хронологические рамки.

Глава 1 «Историография» содержит широкий обзор историографии поздневизантийского зодчества и состоит из трех разделов. Необходимость реконструкции теоретико-методологического контекста обусловлена тем, что избранная для исследования проблема начинает разрабатываться в историографии довольно поздно и представлена немногочисленными, разнящимися по охвату материала и подходам публикациями. В **разделе 1.1. «Теоретико-методологические проблемы изучения поздневизантийской архитектуры Северных Балкан»** рассмотрены проблематика поздневизантийского зодчества, определяющая научную дискуссию на каждом из этапов освоения материала с конца XIX в. до современных опытов, методология исследований, представлены основные концепции о специфике поздневизантийского материала, дается его историографическая характеристика, выявлены и охарактеризованы актуальные направления. С 1980-х гг. и по сей день ключевой в дискуссии о поздневизантийском зодчестве является проблема формирования регионального своеобразия и

взаимовлияний отдельных центров, исследуемая в различных аспектах (анализ типологии и форм, фасадной декорации). Наименее развиты два направления: связанное с анализом тенденций стилистического развития и с идентификацией строительных артелей.

В разделе 1.2. «История изучения архитектуры Эпира XIII – начала XIV вв.» проанализирован соответствующий корпус работ, представлена подробная историографическая картина эпирского зодчества.

В разделе 1.3. «О роли эпирской традиции в поздневизантийском зодчестве Северных Балкан» анализируются работы непосредственно по теме исследования.

Глава 2 «Архитектура Эпира XIII – начала XIV вв.» формирует необходимую базу для исследования развития эпирской традиции в архитектуре Балкан, представленного в последующих трех главах работы. Глава состоит из четырех разделов и представляет собой подробный аналитический обзор поздневизантийского зодчества Эпира, в котором развернута характеристика особенностей эпирской школы на уровне типологических и конструктивных решений, морфологии, декора дополнена наблюдениями и выводами автора о закономерностях ее развития.

В разделе 2.1. «Типологические и композиционные особенности» в трех подразделах, выделенных по типологическому принципу, последовательно рассматриваются варианты купольных построек Эпира (2.1.1. «Купольные храмы»), храмов типа ставроэпистегос (2.1.2. «Ставроэпистегос») и базилик (2.1.3. «Базилики»). Отмечается и анализируется характерный именно для эпирского зодчества тип галерей — пространственно обособленных от основного объема боковых крыльев из трех компартиментов.

В разделе 2.2. «Морфология» в трех соответствующих подразделах анализируются характерные для эпирской школы типы куполов (2.2.1. «Купола»), фронтонов (2.2.2. «Фронтоны»), апсид (2.2.3. «Апсиды») и

способы их артикуляции на протяжении развития эпирской школы с начала XIII до начала XIV вв.

Раздел 2.3. «Фасадная декорация» посвящен наиболее примечательному свойству эпирской школы, служащим, к тому же, ярким маркером ее присутствия за пределами Эпира. Рассматриваются принципы организации и средства артикуляции фасадов, способы включения декора в композицию фасадов и согласования элементов кирпичного декора с декоративными архитектурными формами. Во всем разнообразии представлен репертуар видов декора и богатый арсенал кирпичных орнаментов, используемых эпирскими мастерами.

Аналитическая составляющая главы представлена **разделом 2.4. «Процессы стилистического развития в поздневизантийском зодчестве Эпира»**: на основе рассмотренных в предшествующих разделах главы характеристик прослеживаются закономерности развития эпирской школы, в котором выделяется три этапа. В первые три десятилетия XIII в. — период, условно обозначенный в работе как «раннеэпирский» — происходит постепенное формирование местной архитектурной школы на основе сочетания традиций элладской и доэлладской школ. Общим местом для архитектуры этого времени является укорененность в средневизантийской традиции, выраженная в типологии, морфологии, декоре, а также простота и лаконизм форм и фасадной декорации, основанной на узком диапазоне простых по рисунку геометрических орнаментов. Второй этап развития «эпирской школы» и эпоха ее главных достижений приходится на правление Михаила II Комнина Дуки (1231 – 1266/68 гг.). В это время складываются основные принципы формообразования, создания архитектурной и декоративной композиции. Наблюдается стремление к преодолению лапидарности, геометрической простоты и некоторой тяжеловесности форм дробным и разнообразным декором. Определился устойчивый набор морфологических и декоративных элементов, варьирующихся только на уровне исполнения. Активное распространение получает тип

ставроэпистегос, реализуемый как в сложных, композиционно и конструктивно продуманных вариантах, так и в более простых. Утверждается характерная форма и способ артикуляции апсид. Декоративный арсенал заметно обогащается и усложняется, декоративные программы выстраиваются на использовании выразительных возможностей ритма, рисунка орнамента, светотеневых акцентов. Прослеживаются два варианта включения декора в плоскость фасада: 1) «расчерчиванием» поверхности фасада узкими поясами декора с мотивами разной сложности; 2) сплошным заполнением полей плоских ниш, тимпанов фронтонов, фрагментов венчающих частей стен произвольными комбинациями орнаментов. При сохранении общих стилистических характеристик в памятниках этого времени обозначаются несколько частных тенденций: 1) развитие столичной традиции в рамках заказа Михаила II (церкви Пантанассы, Паригоритиссы); 2) вариант развития местной традиции, характерный для столицы Эпирского царства, Арты: монолитность основного объема сочетается с активной декоративной разработкой венчающих частей, создаются сложные композиционные, конструктивные, пространственные решения; 3) «провинциализированный» вариант развития общих тенденций эпирского зодчества 1230–1260-х гг., упрощающий трактовку характерных элементов эпирского зодчества, использующий более простые композиционные и конструктивные решения.

Третий этап развития эпирской школы охватывает время Никифора I (1268–1297 гг.) и его преемника Фомы I (1287–1318 гг.). Архитектура Эпира развивается созвучно тенденциям раннепалеологовского времени. Изменение политического и культурного климата способствовало миграции строительных артелей из Эпира в другие центры палеологовской эпохи, памятники которых стали предметом данного исследования.

В Главе 3 «Архитектурные центры Охридской архиепископии» исследуется специфика развития архитектурной традиции Эпира в региональных центрах Охридской архиепископии — Охриде, Велесе,

Прилепе, Кастории, в районе озера Преспа, каждый из которых рассматривается отдельно в пяти соответствующих разделах главы. Подробный анализ типологических, морфологических, композиционных характеристик построек, особенностей строительной техники и фасадного декора сопровождается подбором аналогий в архитектуре Эпира, обосновывающих принадлежность этих памятников эпирской традиции. Далее анализируются особенности ассимиляции и путей развития традиции Эпира в каждом из центров Охридской архиепископии в ее взаимодействии с другими источниками влияния в контексте стилистических тенденций архитектуры палеологовской эпохи. Также памятники рассматриваются в более широком контексте, с привлечением аналогий в архитектуре других поздне- и средневизантийских центров, что позволяет уточнить место исследуемого материала в общей картине архитектурных процессов поздневизантийского периода.

В разделе 3.1 («Охрид») представлена траектория развития эпирской традиции в архиепископальном центре с последней четверти XIII – начала XIV вв. до конца XIV в.

В разделе 3.2 «Велес» обосновывается принадлежность к эпирской традиции церкви Св. Димитрия (1297 г.) в Велесе. Тип, представленный в этой церкви — сводчатая однефная базилика с нартексом, надстроенным ярусом колокольни — уникален для поздневизантийского зодчества и, скорее всего, должен объясняться влиянием архитектуры Второго Болгарского царства. В то же время решение апсиды, способы организации фасадов, артикуляции форм и декоративный репертуар обнаруживают ближайшие аналогии в памятниках и Эпира и Охрида последней трети XIII – первой четверти XIV вв.

Раздел 3.3 («Прилеп») посвящен памятникам Прилепа, которые, в отличие от Охрида и Велеса, представляют собой перестройки более ранних сооружений. Черты традиции Эпира прослеживаются в характерных типологических решениях, способах организации фасадов, в декоре.

В разделе 3.4 «Кастория» особое внимание уделяется церкви Св. Георгия в Оморфоккисии (1295–1317 гг.), поскольку вопрос об источниках влияния, определившими своеобразный архитектурный облик постройки, активно дискутируется в историографии и остается открытым. В данном разделе приводится развернутая аргументация принадлежности этого памятника к традиции Эпира, уточняется его место в региональном контексте и в контексте архитектуры палеологовской эпохи, высказывается точка зрения автора относительно уточнения датировки памятника. Особенности развития традиции Эпира в Кастории во второй половине XIV в. прослеживаются на примере церкви Успения в Зевгостаси.

В разделе 3.5 «Преспанский регион (район озер Малая и Большая Преспа)» прослеживается влияние Эпира в немногочисленных памятниках конца XIII – второй половины XIV вв., расположенных на берегах Преспанских озер. В триконхе Св. Николая в Пили на первый план выступают иные источники влияния. Интересны церкви Панагии Элеусы на Малой Преспе и Рождества Богородицы на острове Мали Град на Большой Преспе, построенные внутри отшельнических пещер скалистого побережья, фасадный декор которых позволяет проследить завершающую стадию развития традиции Эпира на землях Охридской архиепископии. Фасады грубо сложенных стен оштукатурены и расписаны с живописной имитацией кирпичного декора. В церкви Рождества Богородицы под слоем штукатурки видны выложенные из кирпича декоративные элементы. В то же время в декоративном репертуаре видны не только эфирские, но и средневизантийские касторийские мотивы.

Исследовательские задачи главы 3 сохраняют актуальность в Главе 4 «Ассимиляция эфирской традиции в Эгейской Македонии и Фессалии», где решаются на материале поздневизантийского зодчества Салоник, Вери, Фессалии. Специфика данного материала связана с тем, что в XIV в. Салоники становятся лидирующим архитектурным центром, влияние которого было особенно сильным в Эгейской Македонии и Фессалии.

Традиция Эпира при этом постепенно отходит на второй план. Поэтому важно отметить, что в данной главе в фокусе исследования остается именно развитие традиции Эпира в этих регионах, роли Салоник внимание уделяется лишь в необходимой для выполнения исследовательских задач степени.

В разделе 4.1 «Салоники» исследуется роль традиции Эпира в формировании характерного местного варианта палеологовского стиля, сложившегося в конце XIII – первой четверти XIV вв. после длительного периода стагнации на основе сочетания различных архитектурных традиций — константинопольской, никейской, местной средневизантийской, а также при влиянии Эпира. В группе построек этого времени — церквях Св. Пантелеимона, Свв. Апостолов и Св. Екатерины, эти традиции смешивались по-разному на основе одного типологического варианта — крестово-купольного храма типа вписанного креста на четырех колонках, обнесенного П-образной галереей с малыми световыми главами по углам. В этом соединении традиций черты, свойственные архитектуре Эпира, проявляются в декорации фасадов, но в каждом из памятников они особым образом синтезированы с другими источниками влияния, в результате чего акцентируются разные тенденции палеологовского стиля.

Далее черты, восходящие к традиции Эпира, прослеживаются в декоре малых храмов Салоник первой половины XIV в. — кафоликоне монастыря Влатадов, церкви Таксиархов, а также в церкви Пророка Илии (1350-е гг.), где сильнее выступает уже местный солунский компонент.

Памятники другого регионального центра Эгейской Македонии рассматриваются в **разделе 4.2 «Верия»**. От средневизантийского времени здесь сохранилась только Старая Митрополия, в которой в начале XIII века были сделаны поновления, касающиеся, преимущественно, венчающих частей стен. В поновлениях присутствуют элементы, хорошо известные по памятникам Эпира XIII в. В XIV в. в Верии, где в предшествующие столетия не велось активного строительства и не сложилось устойчивой местной традиции, появляется более десятка храмов — небольших, весьма

простых по архитектурному облику и примитивных по технике кладки базилик со стропильным перекрытием. Две из них — церковь Христа (Воскресения Христова), церкви Св. Саввы (Кириотиссы) отличаются богатой керамопластической декорацией апсид, связанной с традицией Эпира. Аналогичный способ решения и декорации апсид применен в церкви Свв. Кирика и Иулитты — единственной крестово-купольной церкви в Верии, типологически так же обнаруживающей аналогии в двухколонных крестово-купольных храмах Эпира. В то же время, в церкви Свв. Кирика и Иулитты заметно влияние Салоник, еще более очевидное в церкви Св. Николая Сфрантзи — несохранившейся, но известной по фотографиям базилике с богато декорированной в русле эпирской традиции апсидой.

В разделе 4.3 выявляется присутствие и особенности развития эпирской традиции в памятниках Фессалии. Сложность задачи в данном случае связана с несколькими обстоятельствами. Во-первых, архитектурный ландшафт этого региона, обусловленный историческими обстоятельствами XIII – XIV вв., весьма неоднороден. Во-вторых, подавляющее большинство фессалийских построек — небольшие, мало примечательные церкви, в основном базилики, слабо изученные и широко датированные, восходящие к парадигме средневизантийской элладской школы, лежащей в основе эпирской. Только в нескольких из них обнаруживаются характерные элементы, находящие аналогии в памятниках Эпира середины XIII в.

Продуктивных архитектурных центров в Фессалии в это время не сформировалось. Из комплекса монастырей Метеор к этому периоду относятся только две совсем небольшие различные по типу церкви: первый кафоликон монастыря Преображения (Великий Метеор) типа вписанного креста и скитская однефная церковь Сретения типа ставроэпистегос.

Региональными архитектурными доминантами являются церковь Порта-Панагия близ Трикалы и церковь Панагии Олимпиотиссы в Элассоне. В архитектурном облике первой воспроизводится с некоторыми вариациями эпирская церковь Като-Панагия в Арте. Вторая — купольный храм с П-

образным обходом — ориентирована на солунские образцы, но в декорации фасадов используются элементы, связанные с Эпиром.

В **Главе 5 «Эпирский след в «византинизирующей» линии сербского зодчества в XIV в.»** влияние Эпира прослеживается в памятниках «византинизирующей» линии сербской архитектурной традиции — одной из тенденций сербского зодчества XIV в., специфика которой определена ориентацией на византийские образцы. Включение Сербии в политическую и культурную орбиту Византии было одной из основных стратегий, реализуемых королем Стефаном Милутином (1282-1321) в первой четверти XIV в., в том числе посредством архитектуры.

Роль традиции Эпира в формировании этой тенденции в первой четверти XIV в. рассматривается в **разделе 5.1. «Византинизирующее направление» в архитектурной программе короля Милутина (1282–1321 гг.)**. Разность пространственных и конструктивных решений, артикуляции форм, декорации фасадов храмов, построенных под королевским патронажем, демонстрирует множественность ориентиров, формирующих «византийский» компонент. В каждой из этих построек присущие архитектуре Эпира черты раскрываются по-разному и получают различные трактовки: наиболее отчетливо — в фасадном декоре церкви Прохора Пчиньского, Богородицы Левишки, Св. Георгия в Старо-Нагоричино. В церкви Свв. Иоакима и Анны Студеницкого монастыря влияние Эпира затрагивает объемно-пространственное решение.

В **разделе 5.2 «Отголоски эпирской традиции в сербских вельможных задужбинах 1330-х – 1390-х гг. в округе Скопье (Повардарье)»** черты, связанные с традицией Эпира, выявляются на следующем этапе развития «византинизирующей» линии сербского зодчества, представленном группой построек (*задужбин — т.е. храмов, построенных во спасение души*) сербских вельмож эпохи Стефана Душана (1331–1355 гг.) и периода феодальной раздробленности государства, сосредоточенных, в основном, в долине реки Вардар. Эти постройки

обладают известной общностью, обусловленной воспроизведением одного и того же типа небольшого компактного по размерам одноапсидного одноглавого крестово-купольного храма, наиболее подходящего для строительства задужбины, образцом которого стала церковь Св. Никиты в Чучере (1307 г.). В то же время в повардарских задужбинах есть существенные различия в технике кладки, в отдельных строительных приемах и декоративных решениях, связанные с работой разных нанимаемых артелей, возможностями и предпочтениями заказчиков. Традиция Эпира различима только в фасадном декоре: анализ элементов и приемов работы с декором, проведенный в данном разделе, показывает постепенное угасание этой традиции.

Отдельно рассматривается церковь Богородицы Захумской на Охридском озере, которой посвящен **подраздел 5.2.1. («Церковь Богородицы Захумской близ Охрида»)**. Из группы сербских аристократических построек она выделяется характерным внешним обликом, отсылающим к памятникам Эпира и Охрида последней трети XIII – начала XIV вв. и напоминающим церковь Перивлепты в Охриде. Приводится всесторонний анализ архитектурных особенностей Захумской церкви, в ходе которого раскрывается специфика реализованного в ней синтеза традиции Эпира последней трети XIII – начала XIV в. и стилистических тенденций архитектуры второй половины XIV в. Также предпринимается попытка уточнения личности упомянутого в посвятительной надписи ктитора с целью найти объяснение выбору церкви Перивлепты в качестве образца для собственной задужбины, выявить мотивации, которыми мог быть движим ктитор.

В **Заключении** сформулированы основные выводы исследования.

Эпирская школа, оформившаяся в основных своих характеристиках в 1230–1260-е гг., при всей укорененности в предшествующей византийской традиции представляется ярким региональным явлением, обладающим набором характерных черт.

Эпирская традиция за пределами Эпира была продолжена в Охриде в последней четверти XIII – первой четверти XIV в. В контексте поздневизантийского зодчества Охрид как региональный центр не имеет другой — локальной, связанной с более ранними местными архитектурными практиками, выраженной специфики. В трех охридских храмах прослеживается работа трех разных эпирских артелей: церковь Св. Иоанна Канео (1270–1280-е гг.) близка северо-эпирской группе памятников; церковь Перивлепты (1294/1295 г.) развивает эпирскую «столичную» линию, связанную с Артой; в экзонартексе Св. Софии Охридской (1313/1314 г.) идущая из Константинополя тенденция к созданию подобных экзонартексов реализована в парадигме эпирской школы. Специфика развития эпирской традиции в Охриде определяется следованием «классицизирующему» направлению архитектуры раннепалеологовского времени (последняя треть XIII – начало XIV вв.), для которого характерна работа с архитектурными и архитектурно-декоративными формами, созданием гармоничных, стройных объемно-пространственных композиций. С 1330-х гг., после перехода Охрида под власть Сербии, «репрезентативная» линия охридской архитектуры сменяется маргинальным направлением, представленным маленькими скромными постройками, в которых влияние Эпира сохраняется на уровне типологии в характерном типе ставроэпистегос.

В контексте эпирско-охридской линии следует рассматривать и церковь Св. Димитрия в Велесе. В форме и артикуляции апсиды, в фасадном декоре применяются те же решения и тот же арсенал орнаментов, что и в памятниках Арты и Охрида конца XIII в..

Иное направление развития эпирская традиция получает в Прилепе, где мастера имели дело с перестройкой и модификациями уже существующих построек, в том числе никейских зодчих. Можно проследить работу как минимум двух эпирских строительных артелей. Первая появилась здесь в 1270–1280-х гг., о чем позволяют судить характерные трехлопастные окна и тип ставроэпистегос, примененный в перестройке церкви Св. Димитрия,

техника кладки клуазоне. Вторая артель появляется в конце XIII в. и более последовательно проводит традицию эпирской школы, которая проявляется теперь и в принципах построения фасадов, в расширении арсенала керамопластического декора. С точки зрения стилистических тенденций развитие эпирской традиции в Прилепе следует другому направлению в архитектуре раннепалеологовского периода, акцентирующему выразительные возможности фасадного декора — его видовое и иконографическое разнообразие, ритмические и пластические опции.

В Кастории в конце XIII в. эпирская традиция также нашла прямое продолжение: типологические, морфологические, декоративные и композиционные особенности церкви Св. Георгия в Оморфоклисии отражают ее связь с северо-эпирскими памятниками. В то же время церковь принадлежит к условно выделенной нами группе репрезентативных построек, связанных с аристократическим заказом, которая прослеживается в храмах Эпира и Охрида в конце XIII – начале XIV вв. В контексте архитектуры поздневизантийского периода Оморфоклисия предстает одним из лучших региональных образцов раннепалеологовского зодчества. Ее отличает продуманность и цельность композиции, органичное соподчинение всех составляющих элементов, отражение актуальных архитектурных тенденций периода (развитая периферия, окружение основного объема галереями, упорядочивание декоративной программы). Во второй половине XIV в. в Кастории эпирская традиция сохраняется в способах артикуляции форм, в трактовке фасадов и в декоре, что видно на примере церкви Успения в Зевгостаси, но развивается в духе тенденций архитектуры второй половины XIV в., отраженных в пропорциональном строе и пространственном решении церкви.

В Преспанском регионе влияние традиции Эпира отражено в декоре фасадов, но проследить последовательную траекторию ее развития на этом материале сложно. В конце XIII в. характерные элементы декора появляются в церкви Св. Николая в Пили; во второй половине XIV в. эпирские

орнаменты и композиционные особенности построения фасадов появляются в пещерных храмах в виде росписи по штукатурке, имитирующей кирпичные выкладки. В контексте архитектурных процессов поздневизантийского зодчества эти памятники представляют отдельный, по-своему интересный эпизод, показывающий специфический вариант развития традиции Эпира.

В Эгейской Македонии и Фессалии развитие эпирской традиции проходило по пути ее соединения с другими источниками влияния. В самих Салониках роль традиции Эпира не была определяющей в формировании и развитии архитектуры палеологовского времени, и сводится к внедрению в местную практику кирпичного декора, не применявшегося ранее в местной традиции. Характерные элементы эпирской школы видны в композиционных особенностях включения декора в плоскость фасада, в ряде орнаментов. Особенности декоративного решения фасадов солунских храмов конца XIII – первой четверти XIV вв. (церкви Св. Екатерины, Свв. Апостолов, и, возможно, церковь Таксиархов) позволяют говорить о непосредственной работе разных эпирских артелей совместно с мастерами из Константинополя и, вероятно, из Никеи. Далее, в середине – второй половине XIV в., эпирская традиция так же различима в декоре, но уже в опосредованном виде, в сочетании с другими, более сильными источниками влияния.

В Верии присутствие эпирских мастеров отмечается еще в первой четверти XIII в. в поновлениях Старой Митрополии. В XIV в. характерные черты архитектуры Эпира воспроизводятся в артикуляции и декоре апсид нескольких храмов. Учитывая отсутствие в Верии предшествующей местной традиции, можно рассматривать традицию Эпира как источник, определивший архитектурное своеобразие Верии в первой половине XIV в. Со второй половины XIV в. традиция Эпира развивается при заметном влиянии Салоник. По характерным элементам декора в церкви Св. Саввы (Кириотиссы) и церкви Свв. Кирика и Иулитты прослеживается работа одной и той же, вероятно, эпирской артели. С работой другой артели связано строительство церкви Христа. В церкви Свв. Кирика и Иулитты к традиции

Эпира восходит двухколонный вариант крестово-купольного типа, но в решении апсид характерные способы артикуляции и работы с декором оригинальным образом сочетаются с освоением нового пропорционального строя под влиянием Салоник, которое одерживает верх в церкви Св. Николая Сфрантзи. В контексте поздневизантийского зодчества памятники Верии, которые сами по себе занимают в нем весьма скромное место в силу своей предельной простоты, отражают еще одно географическое и довольно своеобразное стилистическое направление развития традиции Эпира в синтезе с влиянием Салоник.

В Фессалии развитие традиции Эпира и ее влияние на регион не было особенно эффективным. Несомненной работой эфирских мастеров является церковь Порта-Панагия (1283 г.), в которой стилистические тенденции архитектуры последней трети XIII – начала XIV вв. сочетаются с очевидной ориентацией на архитектуру Эпира середины XIII в. Этот памятник становится отправной точкой развития эфирской традиции в Фессалии, прослеживаемого в небольших постройках типа ставроэпистегос конца XIII (церковь Успения в Ахладохори) и второй половины XIV в. (церковь Сретения в Метеорах). Церковь Панагии Олимпиотиссы (1330-е гг.) знаменует включение Фессалии в сферу влияния Салоник, но в фасадном декоре церкви сохраняются элементы эфирской традиции.

В строительной программе Милутина, развернувшейся на бывших византийских землях, эфирская традиция выступает лишь одним из источников, формирующих своеобразие «византинизирующего» направления сербского зодчества, проявляясь в различных аспектах и в разной степени. В основном она затрагивает фасадный декор — от дословного воспроизведения характерных приемов и орнаментов (церкви Св. Прохора Пчиньского, Богородицы Левишки) до сформированных на ее основе своеобразных декоративных решений (Левишка, Старо-Нагоричино, Грачаница). Реже влияние Эпира проявляется в объемно-пространственных решениях (Кральева церковь в Студенице).

Своего логического завершения развитие традиции Эпира на севере Балкан достигает в сербских вельможных задужбинах Повардарья 1330–1390-х гг., где в фасадном декоре прослеживаются только ее отголоски. Из этого круга памятников выделяются постройки протосеваста Хрельо, где в характерных элементах и нюансах их исполнения видна непосредственная работа эпирских мастеров, а также церковь Св. Николая в Челопеке, в большей степени, чем остальные, связанная с эпирско-охридской линией в элементах декорации. Особое место в группе вельможных задужбин и в контексте поздневизантийского зодчества занимает церковь Богородицы Захумской на Охридском озере (1361 г.), в которой характерные образцы эпирского и охридского зодчества конца XIII в. воспроизводятся в стилистической парадигме второй половины XIV в., что, по нашему мнению, связано с идеологической мотивацией ктитора.

Приложение к диссертации содержит таблицы с основными данными о рассматриваемых в работе памятниках Эпира и Северных Балкан, приводятся ктиторские надписи, сообщающие имена заказчиков и время строительства храмов.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Научные статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности:

1. Заворина М. Л. Палеологовское зодчество Салоник в контексте проблематики поздневизантийской архитектуры: историографический обзор // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 10 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2020. С. 772–786. (1,35 п.л.; импакт-фактор SJR: 0,19)

2. Заворина М. Л. Фасадная декорация палеологовских храмов Салоник: специфика и эволюция локального метода // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. Т. 28. № 2. С. 73–88. (0,8 п.л.; импакт-фактор JCR: 0,22; импакт-фактор SJR: 0,18)
3. Заворина М. Л. Эпирская традиция в поздневизантийской архитектуре Северной Македонии // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 11 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. С. 468–479. (1 п.л.; импакт-фактор SJR: 0,19)
4. Заворина М. Л., Мальцева С. В. Фасадный декор в эпирской архитектурной традиции: единство принципов и многообразие средств // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. 2021. №2(17). С. 99–113. (0,6 п.л. / авторский вклад 0,5 п.л.; импакт-фактор РИНЦ: 0,22)
5. Заворина М. Л. Церковь Богородицы Захумской близ Охрида. Ретроспективные тенденции поздневизантийской архитектуры // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 12 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 824–841. (1,3 п.л.; импакт-фактор SJR: 0,19)
6. Заворина М. Л. Архитектурные особенности церкви св. Георгия в Оморфоклисии (Кастория) // *Византийский временник*. 2023. Том 107. С. 260–277. (1,39 п.л.; импакт-фактор JCR: 0,48)
7. Заворина М. Л. К вопросу о региональных школах и стилистических тенденциях в поздневизантийском зодчестве: архитектура Эпира // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. 2023. № 1(20). С. 60–75. (0,97 п.л.; импакт-фактор РИНЦ: 0,22)
8. Заворина М. Л. Региональные интерпретации палеологовского стиля в византийских архитектурных центрах Эгейской Македонии // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 13 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2023. С. 270–290. (1,7 п.л.; импакт-фактор SJR: 0,19)

9. Заворина М. Л. Архитектура Охридской архиепископии в XIII – XIV веках // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 14 / Под ред. А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. МГУ имени М. В. Ломоносова / СПб.: НП-Принт, 2024. С. 692–710. (1,48 п.л.; импакт-фактор SJR: 0,19)
10. Заворина М. Л. Архитектурное своеобразие поздневизантийской Верии и истоки его формирования // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2024. №2(23). С. 73–84. (0,82 п.л.; импакт-фактор РИНЦ: 0,22)

Прочие публикации:

1. Zavorina M. L. Palaeologan Architecture on the Byzantine Periphery: The Case of Ohrid // Niš and Byzantium. 2022. Vol. 20. P. 305–322. (1,2 п.л.; импакт-фактор отсутствует)
2. Maltseva S. V., Zavorina M. L. Late Byzantine Architectural Ceramics of Epirus and Macedonia // International Conference SmartArt – Art and Science Applied. Belgrade, 23–25 September 2021. Thematic Proceedings / Eds. V. Kruljac, B. Jokić. Belgrade: University of Arts in Belgrade, Faculty of Arts Publ., 2022. P. 38–58. (1,4 п.л. / авторский вклад 1 п.л.; импакт-фактор отсутствует)